

Валерий Тимофеев

Волшебник из третьего "Г"

книга 2. Особняк на площади

Валерий Тимофеев

**Волшебник из третьего «Г».
Книга 2. Особняк на площади**

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Волшебник из третьего «г». Книга 2. Особняк на площади /
В. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833991-2

Найти того, кто похитил у короля Филинов волшебную силу, — вот главная задача совы Гу. Для выполнения этой миссии и отправлена она в город людей. Только вот непросто понять и принять ей человеческие законы выживания. И выпадают на ее долю немалые испытания. Только ценой собственной шкуры вырывается она из плена.

ISBN 978-5-44-833991-2

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Заговор в темной комнате	6
Глава 2 Когда на плечах голова	10
Глава 3 Ночной кошмар	13
Глава 4 Кто на проводе сидел	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Волшебник из третьего «г»
Книга 2. Особняк на площади
Валерий Тимофеев**

© Валерий Тимофеев, 2016

ISBN 978-5-4483-3991-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Заговор в темной комнате

В маленькой комнатке без окон и дверей, за письменным столом сидел Ученый Секретарь. Бледный свет от двух гнилушек и одного на сто процентов глухого светлячка – сам проверял! – вырывал из полумрака его сгорбленную фигуру. Филин что-то быстро писал на листах бумаги, украшенных королевским гербом. Изредка отрывался и, глядя на разводы теней на потолке, нервно покусывал кончик крыла. Высасывал ли он таким образом новую мысль, или стимулировал себя болью, но ручка после такой паузы скользила по листу бумаги быстрее, а черные строчки выстраивались решительней и ровнее.

Негромкое царпанье в углу комнатки привлекло его внимание.

– Приполз? – спросил он, чуть поведя в сторону шума глазом. Рука же, ни на секунду не замешкавшись, продолжала строчить безостановочно.

– Угу, – донеслось из темного угла. – Мне можно?

– Что тебе можно?

– Войти можно?

– Ты не просто вошел, – усмехнулся одними уголками губ Ученый Секретарь, – ты влез со всеми своими... сколько их там у тебя, восемь или десять?... лапами.

– Не знаю, – признался утробный голос, – я не считал.

– Скажи лучше, считать не умеешь!

– Чего эт не умею? – возмутился голос. – Умею! Вот слушайте: один, раз, два, три, потом и еще пять!

– Два! – буркнул Ученый Секретарь.

– Два я сказал, – напомнил утробный голос.

– По арифметике тебе два! – рассмеялся Ученый Секретарь.

– Спасибо!

– За что «спасибо»?

– Два больше, чем один и раз, – в голосе явно звучали нотки гордости. – Значит, вы мои знания оценили вон аж на сколько!

– А, ну тебя, – отмахнулся Ученый Секретарь, – некогда мне с тобой попусту болтать.

– А я могу и не попусту! – хозяину голоса как раз именно поболтать и хотелось больше всего.

– Можешь, так давай!

– Натя!

Топот многих лап по потолку, потом пронзительное вз-жи-ик, – и паук Хам завис перед Ученым Секретарем. Его большие глаза навывкате преданно заглядывали в желтые глазки филина. Паук протягивал некоторыми четырьмя лапами что-то, завернутое еще во что-то.

– Что ты мне суешь? – отпрянул Ученый Секретарь.

– Взятка! – чистосердечно признался паук.

– Зачем?

– Сами же сказали – давай!

– Я не это имел в виду!

– Здрасте вам! – передние четыре лапы передали сверток другим лапам куда-то за спину, с глаз долой, а сами демонстративно развелись во все стороны. – Еще не разворачивали, а уже «не это», видишь ли! На вас, любезный, не угодишь! Вы, погляжу, тут совсем зажрались! Хоть знаете, что я вам приготовил, а? Сколько ночей не спал на охоте их добываючи?!

– Во-первых, господин-товарищ Хам! – напыжился Ученый Секретарь и даже привстал со стула. – Я взятку не беру!

– Брезгуете? – сощурил глазки паук.

– Я на полном государственном обеспечении, – медленно, чтобы некоторые поняли и не переспрашивали больше, объяснил Ученый Секретарь, – у меня хороший оклад. И у меня только один живот и одна жо... Ну, короче, за двоих я все равно не съем, а одному мне хватает.

– Точно, хватает?

– Так хватает, что я со своего стола самую лучшую, сладкую половину, в детский дом сиротам отсылаю!

– Благородно!

– А то! – задрал нос Ученый Секретарь.

– А во-вторых чего? – напомнил Паук.

– А во-вторых, – с нажимом сказал филин, – когда я произнес слово «давай», ввергнувшее тебя в заблуждение, я имел в виду: «давай, начинай свою просьбу излагать»!

– Ну, так бы и... – обрадовался паук и тут же взялся учить филина. – С чего вы нам, у которых арифметика только на два, умности всякие выворачивать изволите, а? С нами попроще надо!

– Хорошо! – повинился Ученый Секретарь, – принимаю упрек. И повторяю для тех, которые «один, раз и два»... Давай, излагай мне свою просьбу!

– Вот! Это по-нашему! – Хам хамски, как равного, похлопал Ученого Секретаря по плечу и блаженно закрыл глаза.

– Ну, что замолчал? Говори! – отстранился филин.

– Я жду!

– Чего? У моря погоды?

– Нет! У нас ни моря, ни погоды, – вальяжно покачивался на паутине паук. – Я жду, когда вы освободитесь, чтобы меня выслушать.

– Я уже свободен.

– Как же свободен! Я чего, не вижу? Сидите тут, пишете чего-то!

Ученый Секретарь оторвал руку от бумаги и сказал, глядя пауку в глаза.

– Я могу одновременно делать много дел: писать, махать ногой, слушать тебя, думать и даже зевать.

– Ха! Нашел чем хвастаться! – сморщился паук. – Я тоже могу все это делать, – признался он и через паузу добавил, – но только по отдельности.

– Тебя не переспоришь, – в сердцах буркнул Ученый Секретарь, откладывая в сторону ручку и бумагу. – Ну, излагай свою просьбу.

– А вы ее запишите?

– А надо?

– Конечно! Я потом эту бумагу в рамочку вставлю и на стенку повешу, – торжественно произнес паук. – Пусть потомки читают и видят – сам Ученый Секретарь для их папаньки и дедушки своей лапой записывал.

– Хорошо, запишу.

– Только там секретное будет, вы уж его не записывайте!

– Хорошо, не буду.

– Я скажу, когда не надо будет записывать.

– Начнешь ты или нет? – в сердцах хлопнул по столу Ученый Секретарь. – Или мне аудиенцию перенести на другой месяц?

– А чего сразу обижаться? Чего сразу к делу? В порядочном обчестве сначала о здоровье спросить полагается, о семье, о детях. Вот у вас как с детьми?

– Свободный я, – опустил глаза филин. – Не женат ни разу и детей у меня нет!

– А у меня вот, поверишь ли, каждый божий год три приплода, – паук скрестил сразу много лап на своем животе и закачался как в кресле-качалке, – да каждый раз черным-черно,

видимо-невидимо! Не успеешь оглянуться, все запасы, что я месяцами готовил, подчистую смели и по углам разбежались.

– Все сказал?

– Не-а! Я только начал!

– О деле говори!

– Так я и говорю о деле! – удивился такому откровенному непониманию Хам. – Их же завтра еще стоко же народится, а где мне на их, на ораву такую голодную, провианта напасть?

– Думать надо, прежде чем новых детей заводить! – дал умный совет Ученый Секретарь. – Силы свои взвешивать, зарплату и стоимость пропитания просчитывать.

– Так я бы думал, – доверительно, как другу, зашептал на ухо филину паук. – Но, понимаешь, матушка природа в голове сидит и за меня думает. Никак остановиться не могу!

– А от меня ты чего хочешь? – пожал плечами филин. – Матушку-природу уговорить? Или отрезать тебе кой чего?

– Бог с тобой! – встрепенулся Хам и засучил всеми своими лапами. – Не надо! Я ж еще молодой! Мне бы это... территории на откуп... где мух ловить!

– Патент дать?

– Ну да, его. И чтобы я один, как поставщик самого царя...

– Короля, – поправил Ученый Секретарь.

– И его тоже, – ничуть не смутился паук, – чтобы во всех королевских покоях все мухи мои! А если кто ненароком поймает, или пришибет с перепугу, чтобы мне, целиком, без налогов и контрибуций!

– А взамен что предложишь?

– А хоть что! – расщедрился Хам. – Хоть крыльев мушиных цельный мешок. Будешь подушки ими набивать.

– У меня забот государственных знаешь сколько? Я сидя сплю, некогда мне голову на подушки ронять!

– Могу паутины мягкой и шелковистой, свежей и самоклеящейся. От сих до сих, даже в три ряда можно.

– На что мне она? – отмахнулся филин. – Разве что повеситься?

– Сразу и повеситься! – оскорбился паук. – Можно кого-то другого повесить! Или запеленать. Или, вот что! Сеть сплести, скажем, для рыбалки.

– Сеть, говоришь? – задумался Ученый Секретарь.

– Ага, сеть! Ох и крепкая получится! Ни одна рыба не вырвется. У меня как качество на высшем уровне! На-ка вот, попробуй, разорви! – сунул филину кусок серебристой нити.

– Ты язык за зубами держать умеешь? – неожиданно спросил Ученый Секретарь.

– Запросто! – сказал паук. – Когда я ем, я всегда молчу. И когда паутину плету, тоже молчу. А вот в остальное время у меня медвежья болезнь.

– Какая болезнь? – не понял Ученый Секретарь.

– Словесный... это... не к столу сказано... понос, – признался паук. – Но я, вы правильно поймите! Я же целыми днями один тут! Поговорить не с кем. Только вот радио ваше и слушаю, только ему разве что лишнее и сболтну!

Ученый Секретарь положил перед собой лист бумаги с королевской печатью и начал диктовать сам себе.

«Приказ номер.... Сим передается в единодушное и безоговорочное владение сроком на один месяц...

– А чего только на один месяц-то?

– Это твой испытательный срок, – успокоил Ученый Секретарь. – Не сболтнешь чего лишнего, продлю до года. А сболтнешь...

«... сроком на один месяц все воздушное и иное пространство в королевских покаях и прилегающих кладовых пауку Хаму». Готово! Подпись, дата и печать на месте.

Ученый Секретарь свернул бумагу трубкой и помахал ей перед носом паука.

– Хорошая бумага?

– Ой, какая хорошая-то! – семенил всеми бесчисленными лапами Хам. – Сытная!

– Готов забрать ее?

– Готов!

– Неправильно отвечаешь!

– Научите неграмотного.

– Что я должен сделать!

– Отдать мне бумагу.

– Нет, нет, ты должен это сказать! «Что ты должен сделать»?

– Что ты должен сделать! – охотно повторил паук.

– Да не я должен, а ты!

– Понял! Не я, а ты!

– Короче, – обессилевший Ученый Секретарь пошел ва-банк. – За эту бумагу ты должен сделать вот что.

И Ученый Секретарь пять раз, в каждое ухо по отдельности, разжевал пауку Хаму его ответственное задание.

– Иначе этот приказ я съем вместе с тобой! – пригрозил филин.

– Да сделаю я, сделаю! – клялся паук, улепетывая с заветной бумагой за пазухой.

Глава 2 Когда на плечах голова

Пожалуй, не в одном нашем городе такое бывает.

Первые ученики в новую школу пошли в год, когда Коська родился, то есть, десять лет назад. Даже и захотел бы он дату своего рождения забыть или совсем не знать, ни за что не получилось бы. Год его рождения умелыми руками каменщиков на фасаде школы красным кирпичом выложен.

Школа и Коська, выходит, ровесники.

Только верится в это с трудом. Особенно если посмотреть на подступы к школе.

Разгром и разор, словно после бомбежки. Или строители только вчера сдали приемной комиссии школу?

Вырытые траншеи, неразбросанные, густо заросшие полыньей и лебедой, кучи земли, торчащие тут и там обломки бетонных плит, ошестинившиеся ржавой арматурой. Хорошо пацанам в войнушку играть – есть где спрятаться, по траншеям, как по окопам, незаметно в тыл врага пробраться. А остальным каково?

Вы думаете, просто не успели еще прибраться за собой, деревьев насадить и асфальт уложить? Как бы ни так! Асфальт укладывали, но как всегда, в спешке, на снег и на мусор. Снег зачем-то растаял, мусор взял и сгнил, асфальт обиделся – вздыбился, потрескался и разломался. А бордюры до сих пор противотанковыми ежами из земли торчат.

Кто-нибудь посторонний посмотрит на такие подступы к школе и скажет обидное:

– Такие здесь хозяева! Привыкли сидеть и ждать, когда чужой дядя придет и наведет у них порядок.

Сказать легко. Особенно когда других обвиняешь. А обвинять-то и не за что.

Каждый год, с завидным упорством, Анатолий Иванович, директор школы, организовывал ребят.

– Навести порядок?

– Да запросто!

– Много ли работы для такой оравы?

– Тьфу! Раз плюнуть!

Не успели начать, а ее и не осталось. Только хилые березки из ямок-луж выглядывают.

Однако у строителей свои дела. Их строительные дела со школьными делами никак стыковаться не желают. Ладно бы свое не делали. Нет, им все чужое ломать подавай. Прямо, болезнь какая – то.

Как иной озорун без озорства жить не может, так и строители не могут без того, чтобы чей – то труд не изничтожить. Они одни работают, видите ли, все другие только дурака валяют и им, работающим, мешают.

Такая вот у них, у строителей, философия.

Школьный двор огромный. Его изначально огородили для двух школ. Город сразу обе не потянул, – не избышку построить, школу на полторы тысячи учеников! Затянул пояс, подкопил денег, нате вам – началось строительство второй школы-близнеца. Все жители еще удивлялись. Стоит двадцать восьмая, а строят девятнадцатую. С математикой нелады, или как?

И опять на два года грязь и мусор, шум и грохот.

Построили, заселили учениками, прошло несколько лет, вспомнили! Тут же еще один корпус по плану быть должен! Подростковый центр «Эго»!

И опять техника, котлован, подъемный кран стрелой-рукой туда-сюда вертит, грузы подает.

Наконец, воткнули на пустыре последний многоэтажный дом, последний раз въезды – разъезды тяжелой строительной техникой перебуравили и исчезли.

Жители квартала долго приглядывались, все гадали – где еще подвоха, то есть грязи, ожидать?

Полгода ждут.

Тишина.

Год ждут.

Опять тишина.

Директор школы глазам не верит. Пошел по высоким кабинетам, карты, схемы, проекты всякие поглядел. И, правда, закончились мучения. Больше строить нечего. Да и негде. Что архитекторы задумали, все промеж домами втиснуто. Вывод напрашивался сам собой. Раз больше строить не будут, то и ломать безнаказанно некому.

От трамвайных путей через весь квартал до берега реки тянется широкая неухоженная лента земли.

Здесь будет сквер.

Попросил директор будущий сквер из альбомов архитекторов на большой планшет перерисовать.

Яркими красками.

И выставил на всеобщее обозрение.

Красота! Всяк мимо идущий остановится и полюбуется.

Какой-нибудь Старичок вспомнит годы юности, когда он запросто мог один раз в жизни от имени всего цеха и за весь этот цех в санаторий или дом отдыха съездить по бесплатной путевке и по такой красоте своими ногами погулять. И сразу же захочется ему этот сквер, ну прямо хоть завтра перед собой не на картинке, а вживую созерцать. Даже зуд в затылке одолевать зачнет.

Взрослые дяди и тети тоже мимо красот не пройдут равнодушно. Им, конечно, о санаториях уже не мечтать, но погулять возле дома по-человечески и им хочется.

Ну а про детвору и говорить нечего.

Фонтан!

Качели!

Мороженное!

Яблони в ярко-красных яблоках!

Вот и толпится возле планшета народ и вздыхает. И когда эта картинка реальностью станет?

А директор, знай себе, в усы посмеивается. Никто и не подозревает, какую ловушку им подстроили, какую психологическую атаку на них организовали.

Незаметно сквером стали бредить все жители квартала. И не просто бредить, а и требовать, словно их чего-то положенного лишили, как, например, холодной воды в кране, или газа в газовой горелке.

Да только никому до их требований интереса нет. Деньги, что на сквер отпущены были, давным-давно кто-то проел или прокатал. А новых взять неоткуда.

Тут и дала результат хитрая директорская задумка. То, ради чего в прежние времена уговаривать да в пояс кланяться приходилось, само собой решалось.

А надумал он организовать еще один, как он посчитал, последний субботник. Так и объявил на школьной линейке

– Будем свой дом обустраивать, – вроде и предложил, а как приказал.

И, странное дело, не нашлось возражающих. До того все были заворожены мечтой, по первому зову вышли.

Лопат на всех не хватило, за носилками в очередь становились! В руках камни и мусор уносили.

Только вот у самого главного, который территорией этой распоряжается, директор забыл спросить.

А следовало бы...

Глава 3 Ночной кошмар

Этот день у короля Филинов был так загружен государственными делами, что уснул он только под утро.

Ученый Секретарь самолично расставил посты, погасил свет и ушел к себе работать.

– Вз-жи-ик! – раздалось в тишине королевской спальни.

Часовой звук необычный услышал, но тревоги поднимать не стал – молодой еще, беспарольный. Для него главное – чтобы никто не вошел через доверенную его заботам дверь к королю и никого оттуда не вынес.

После полудня, когда верный слуга пришел будить и одевать своего хозяина, бедный король лежал, опутанный с головы до ног километрами крепкой паутины. Он не мог шевелиться, не мог кричать, и даже дышал через раз.

Поднялся грандиозный шум.

Прибежавший Ученый Секретарь самолично разрезал острым ножом путы и освободил короля.

– Что это было? – отдышавшись и безразлично стряхивая с перьев обрывки паутины, спросил Филя Первый.

– Кто это был? – в свою очередь пытал Ученый Секретарь у беспарольного стража.

– Не помню... не видел...

– А если голову на плаху и вж-жик ее?

– Во! Вспомнил! Вж-жи-ик был! А больше никого!

Обыскали не только спальню, но и прилегающие помещения, но никакого вжика не нашли.

– Так-то меня охраняют? – кричал на всех до смерти перепуганный король. Он щедро раздавал налево и направо тумачи и угрозы.

Ученый Секретарь подождал, когда Филя Первый успокоится и свалится без сил, выгнал всех придворных из спальни и надежно запер за ними двери, чтобы не подглядывали и не подслушивали.

– Что ты делаешь? – испуганно завертел глазами король. – Зачем двери закрыл? Мучить будешь?

– Буду, – не меняя интонаций голоса, спокойно пообещал Ученый Секретарь.

– Советами?

– На этот раз обойдемся без советов.

– Ага, – догадался король. – Уже придумал и за меня решил?

– Мой король! – без тени уважения и подобострастия начал Ученый Секретарь. – Я ведь могу уйти и закрыться в своем кабинете. У меня есть дела поважнее, чем освободить какого-то там капризного короля от каких-то там пут. Подумаешь, спеленали! Еще бы с часок полежал так и сам бы задохнулся. Глядишь, нового короля назначат, а он поумнее будет.

– Но-но!

– И я, наконец-то донесу до его пустой головы, в чем заключается безопасность короля, и, следовательно, всего королевства.

Филя Первый закусил губу, обидно нахохлил перья и смотрел на своего умного советника исподлобья.

Ученый Секретарь достал свои труды, над которыми так старательно работал и, совершенно не реагируя на кислый вид короля, его скуку и позевывания, рассказал.

– Мною разработан план спасения... нет, не так. Спасение королевства тут ни при чем. Королевство – оно, понимаете ли, было до вас и будет еще много лет и веков после вас... Назовем вещи своими именами. Итак, это есть План спасения вашей личной власти.

– Ну, ты наглец!

– Нет, я не наглец, – вышагивал по спальне Ученый Секретарь. – Я тот, единственный, кто не постесняется сказать вам правду. Вы что же, до сих пор думаете, что без вас все тут рухнет, развалится и начнется всеобщий раздрай?

Филя Первый еще больше нахмурил бровь.

– Что вы один собиратель наших скреп? Дудки! Свято место пусто не бывает! «Незаменимых у нас нет!» Это еще ваш уважаемый дедушка говаривал. А себя, кстати, считал незаменимым! И что? Развенчали его культ личности! Позором имя покрыли!

– Оставь в покое моего дедушку, – попросил король.

– Хорошо, не будем о дедушке. Тогда поговорим о вас. В нашем королевстве – только сви-
сни – найдутся десять, нет, сто филинов, которые запросто, хоть сегодня, займут ваше место. И народ даже не заметит, что стало хуже или лучше. И уж, тем более не возмутится. Наоборот, все с радостью воспримут перемены! – Ура! – закричат они в едином порыве. – Наконец-то!

– Замолчи!

– Вы губу-то подберите и перышки опустите. То, что я скажу сейчас – вам надо, и больше никому!

Король еще немного поломался, наконец, уселся на свой насест и приготовился слушать.

– Наша явка в городе...

– Провалилась?

– Работает исправно.

– Ну вот, а я напугался!

– Щенята подрастают, места даже им становится мало. Да и задачи у нас меняются. Я решил открыть школу нового времени.

– Ой, опять ты за старое! Скучно!

– Понимаю, что скучно. Но, мой король! Я вам обещаю – если вы поймете мой замысел и поверите в него – бесконечный покой поселится в вашем сердце, а власти вашей ничто больше не будет угрожать.

– Ладно, говори, – разрешил Филя Первый.

– Начав обучение в лесу с юных сов, а в городе со щенят, я увидел великолепный результат. Моя программа позволяет за очень короткий промежуток времени полностью перенастроить мозги. Я прорвался в подсознание!

– Зачем?

– Еще вчера нам не на кого было опираться, завтра весь мир будет у наших ног.

– Врешь, поди.

– Моя школа работает. Начал я с бездомных кошек и собак.

– Почему с них?

– Им терять нечего – ни кола, ни двора. А я могу что-то дать. Одним – немного хлеба, другим – чуть внимания и ласки. Но всем много сладких обещаний. У них будет все! У каждого кота – по кошке, у каждого бездомного – заботливый хозяин, у каждого голодного – полные закрома еды! Все, что захотят...

– Ты меня разоришь!

– Спокойно, мой король. Я им дам, может быть, но немного потом. От них требуется совершенный пустяк! Надо всего лишь поддержать вашу власть и вас, самого-самого, без которого этот мир если и не разрушится, то будет страшно плохим, каким был для них вчера – голодным, холодным, чужим. Поверьте, это очень просто сделать. Достаточно вливать им в уши мои слова, вливать ежедневно и каждодчасно. И врага! Образ врага. Вот тот или те, кто мешает их счастью! Ату его! Бейте, рвите, доносите! Ибо враг коварен.

– Фу, доносчики!

– Есть шпионы и есть разведчики, – терпеливо разжевывал Ученый Секретарь. – Шпионов мы осуждаем, разведчиков превозносим. Но ведь это одни и те же люди! Наш разведчик кому-то шпион. А шпион для нас – чей-то разведчик. Да, согласен. Стукачей и доносчиков не любят. Но я не зря умею проникать в подсознание! Мои воспитанники стучат на соседей и доносят даже на своих родных и близких из любви к вам, из чувства патриотизма! И я их награждаю!

– За доносы?

– *За борьбу с врагами их светлого будущего!* – торжественно, как на школьной линейке, произнес Ученый Секретарь. – У меня и на этот счет есть своя методика. Я строю государство, в котором шпион на шпионе сидит и шпионом погоняет. Все следят друг за другом и доносят один на другого. Не донесешь ты, донесут на тебя за то, что видел, знал, но не донес. Самая почетная профессия у людей какая? Быть полуграмотным простым рабочим, нищим и пьяным. А у нас самой почетной профессией станет доносчик.

– Да как же? Они и не поверят, они и не согласятся!

– *Еще как согласятся!* Не зря я ваш главный идеолог! Мы того, кто не донес, публично судить будем, во всех смертных грехах обвиним, в наших газетах, на нашем радио такую чехарду поднимем, мнение простых сов напишем, и в самое дальнее болото на самый тяжелый, даже каторжный труд до конца дней оприходуем. Да не одного, а со всей семьей, с малыми совятами и филинятами, на так называемое коммунистическое перевоспитание, на строительство светлого для нас и темнее темной ночи для них будущего. А герою-доносчику, которого по всем нравственным нормам надо бы на кол посадить, перья догола повыщипать, мы громко наградим самой почетной наградой – орденом мышинного хвоста! Да должность ему: недоносящими командовать. Да премию, чтобы жил лучше, чем другие живут, и зависть в глазах недоносящих будил. Да имущество, конфискованное у недоносящего, ему передадим. Ну не все. Половину. Меньшую. Но все равно немало.

– На всех орденов не хватит!

– *Ерунда!* Не все ради награды доносить станут. Большая часть будет доносить из страха. Очень быстро все поймут – надо работать на опережение: опоздаю я сдать соседа, сосед сдаст меня. Красота! Вся страна – один сплошной лагерь. И вы в нем главный пахан, то есть главный вертухай! И никто даже не сможет подумать – *Филия дурак!* Или диктатор! Или душегуб. Это про короля можно и думать и говорить. Про диктатора, вертухая и подумать не смей – донесут наседки.

Вот для этого я и тружусь!

Все бездомные кошки и собаки, все только что народившиеся совы попали под мое обучение. Теперь следующий этап. Мне мало бездомных! Мне домашних надо! Только сделав преданными вообще всю эту армию домашних и не очень животных, я проникну в каждый дом, в каждую квартиру и буду знать, о чем думают и о чем шепчутся на кухнях и чердаках, где прячется опасность. А мои патриоты своими руками расправятся с моими, то есть, вашими врагами. И, заметьте, вы со всех сторон чисты. Потому что я и все мои глашатаи двадцать четыре часа в сутки верещат, что вы – непогрешимы, вы – единственный гарант светлого будущего. И пусть иногда придется лечь спать на голодный желудок, в тесной общей квартире без света и отопления, это временные трудности. Ими закаляется наша сталь!

Это немного теории, мой король. А теперь о практике.

В городе я открыл новую просторную школу. Набрал классы, от вашего имени. И теперь мне от вас нужно одно. Волшебной силой, которая есть у вас, защитите мою школу от посягательств.

– Кто-то мешает тебе?

– Пустырь собираются обиходить. Вывести мусор, засыпать траншеи, разровнять кучи. Пусть! Не жалко! Но это бетонное нагромождение, в котором и располагается моя школа, наши классы, пусть стороной обходят!

– Ладно, сделаю...

...На широком газоне, отделяющем 28 школу от 19, лежат забытые строителями железобетонные блоки и плиты. Вывезти вовремя их не вывезли, а теперь, когда немного прибрали вокруг, землю разровняли и траву взлелеяли, вроде как и жалко колесами ровное место буровить. А иначе до них и не добраться.

Кто-то, сейчас и не вспомнить, предложил – замаскировать этот бардак под клумбу. Высокие кусты мальвы образовали что-то вроде стены. Со стороны и не видно бетонного безобразия.

И только узенькая тропинка, протоптанная десятками босых ног, выдает наметанному глазу – там что-то есть.

А есть там небольшая дыра в плитах.

Школьнику, даже самому худенькому не пролезть: – и тесно, и страшно.

А вот кому-то другому – запросто.

Иногда днем, за экстренной помощью или с отчетом, проскользнет с оглядкой кошка или собака. Но вечером, после захода солнца, уже стаями, идут и идут, неслышно ступая мягкими лапами, по этой тропинке звери и птицы. По вторникам, четвергам и субботам – кошки с котятами, по понедельникам, средам и пятницам – собаки со щенятами. На учебу.

Глава 4 Кто на проводе сидел

На зеленые газоны в солнечных головках одуванчиков отбрасывают дырявую тень ветки школьных деревьев. Кое-где просыпался на землю белый цвет диких яблонь. Словно крупные снежинки легли на асфальт и вот-вот растают под горячими лучами майского солнца. Но, напрасные ожидания, не растают. Ветер шевелит яблоневою потерю и укладывает ее белой мягкой полоской вдоль бетонных бордюров. И, хотя не успели еще соскучиться по зиме, полоска эта неизбежно напоминает о чистоте, о первом снеге, о ледяной горке и коньках. Да и как не напоминать? Лето вот оно – почти наступило, а до зимы как до луны.

Окна всех классов распахнулись навстречу теплу. И разносятся вокруг школы умные речи учителей, объясняющих урок, и звонкие голоса учеников, отвечающих у доски домашние задания.

«Гой ты, Русь моя родная...» – летит из окон кабинета литературы волнующее, как песнопение, слово Есенина.

«История государства Российского» долгие годы считалась буржуазной историей. Сегодня мы имеем возможность изучать ее и восторгаться бессмертным подвигом нашего соотечественника Карамзина», – это урок истории.

«О пестиках и тычинках нам расскажет»...

В третьем «Г» классе тишина.

Идет годовая контрольная по математике.

Как-то незаметно пролетела последняя четверть. После весенних каникул пошло настоящее тепло. Все жили, замороженные весной и ожиданием майских праздников. А после праздников какая учеба? Не успеешь в школе от первой отойти – наступил День Победы, Родительское. А там пионерский праздник. Для учебы времени совсем не осталось. Повторения да контрольные. Контрольная за четверть, контрольная за год – успевай, поворачивайся. А на улице сколько дел появилось! И телевизор не нужен – на велосипеде гонки допоздна.

Осталось учиться три денька и каникулы. Самые длинные и самые веселые. Коська с Вадиком уже точно едут во вторую смену в один лагерь, в «Орленок». А на первую смену к бабушкам, в деревни. Осталось вот эту контрольную написать, учебники сдать в библиотеку и свободен! До четвертого класса!

Коська быстро пишет на листке с большой фиолетовой печатью в левом верхнем углу. Одна за другой выстраиваются цифры и буквы в строчки, а строчки в решенные задачи и примеры. Мальчик сосредоточен. Он лишь изредка отрывается от листка, чтобы взглянуть на доску или скосит глаза на новенький пионерский галстук без единого пятнышка и без единой складочки на шелковой поверхности. Коську приняли в пионеры самым последним в классе. Обидно было почти лишний год ходить в октябрятах. Кое-кто из ребят еще во втором классе сменил звездочки на алые галстуки. Но в пионеры принимают не по учебе, а по годам. А надо бы наоборот. Так было бы правильнее.

Если бы делали по правильному, не пришлось бы Мокрову Женю во втором классе принимать, а в третьем исключать. А ей хоть бы что. Она и не расстроилась.

Даже второгодники как были, так и остаются пионерами. Чего хорошего? В чем же он первый? В двойках? А у Коськи все спрашивали:

– Почему не пионер? Плохо учишься?

Это так дяди и тети спрашивали – когда они пионерами были, у них все по правилам было. В октябрята, пионеры и комсомольцы не всех загоняли, а лучших принимали. Если кого из пионеров исключали – он слезами заливался, а не хихикал. Вот старшие и думают наивно, что если не пионер, значит двоечник. Надоело объяснять, что припозднился из-за годов, только в июле будет девять лет. Но галстук от долгого ожидания еще дороже. Уж Коська постарается

быть настоящим пионером, таким, как в книжках описывают и мама с папой рассказывают. Он будет первым и не подведет свое звено.

Коське хорошо. Коська может позволить себе немного помечтать. С контрольной все получается, и работает он увлеченно. Полуурока не прошло, а остался один последний пример. Можно будет и второй вариант решить, пусть комиссия видит – какой он математик. Только спросить надо, можно ли в этот листочек вписывать, или на отдельном написать.

В противоположность ему Вадик Березин сидит и попросту «ловит мух». Скука! Задача не выходит, а примеры он вообще не любит решать. У них почему-то ответы всегда неправильные получаются. В задачнике один, а у Вадика обязательно другой. И этот Витька. У, жадина! Вадик только оглянулся – посмотреть хоть одно действие, а он сразу прикрылся и закричал на весь класс, будто ему в карман залезли или в портфель.

– Людмила Станиславовна! А Вадька списывает!

«У, предатель! Я с тобой после уроков разберусь», – думает Вадик, но это он просто так думает, а разбираться не будет, знает, что сам больше виноват, чем Витя.

А Людмила Станиславовна удивленно посмотрела на Витю, потом на Вадика и спросила.

– Как списывает? Зачем?

– Я откуда знаю – зачем? Спросите у него, – ворчит Витя. – Сам думать не хочет, только других отвлекает.

– Березин, нехорошо списывать, – говорит Людмила Станиславовна и просит. – Решай сам, пожалуйста.

«Решай сам, – бубнит про себя Вадик. – Зачем списывает! Как будто никогда сама не списывала. Теперь можно говорить. Учительница! Решай сам, решай сам... Он же не Коська, который любые задачи как семечки щелкает. Вот если бы в школе были одни уроки рисования или физкультуры! Он бы лучше всех учился! Отличником круглым был! А еще можно немецкий или английский».

Вадик уже все иностранные буквы знает. Сам выучил! Никто не подсказывал. Взял с папиной полки словарь и переписал в тетрадь. Пока переписывал, все и запомнил. Запросто запоминается! Буквы-то почти как у нас, только пишутся некоторые не по-нашему. И меньше их. Ни мягкого знака, ни твердого, ни других лишних букв, всяких там «ы» да «ё». Если и языки такие же простые, Вадик скоро шпрыхать или спикать будет не хуже какого-нибудь иностранца – американца или немца. Он даже на тетрадке одной не по-нашему написал имя и фамилию. Никто из ребят не понимает, а он понимает!

Обо всем этом Вадик думает не от хорошего настроения. Если бы не контрольная...

– Коська! – шепчет он через ряд своему другу. – Коська!

Тот вскидывает голову и спрашивает одними глазами.

– Что тебе?

Вадик боится еще шептать – вдруг услышит Людмила Станиславовна – и объясняет знаками: пожимает плечами, мотает головой и строит кислую рожицу.

– Не получается у меня.

У Коськи другой вариант. Он перечитывает на доске задачу Вадикова варианта и шепчет другу.

– Ерунда! Вспоминай, мы вчера такую же решали!

«Ерунда! Это тебе ерунда.»

– Где такую? Ты чего? Там картошка была, – возражает Вадик.

– Правильно, – соглашается Коська. – Там картошка, здесь ящики, но решается так же.

– Сколько действий? – в отчаянии спрашивает Вадик, как будто это поможет ему в решении. Но как всегда – думаешь, знаю – сколько действий и решу. А главное – какие действия: от чего что отнимать или что на что делить. Вадик все что можно уже перемножил и переделал, а толку никакого. Если бы отметку ставили за исписанный черновик, у него бы выше всех

была отметка. Вон сколько исчеркал. И даже пистолет успел нарисовать – как настоящий. – Сколько действий?

– Три, – показывает Коська.

– Какое первое?

Ну, это уж он зашел слишком далеко и Людмила Станиславовна одергивает его.

– Березин!

– Угу, – соглашается Вадик и который раз оглядывает класс.

«Эх, никто не подскажет. Каждый сам за себя. Погибай, Вадик Березин!»

Как постовой следит за порядком Людмила Станиславовна.

Вадик смотрит на часы.

«Скорей бы звонок, – вздыхает он и принимается снова за эту непутевую задачку. Он ищет ответ и на доске, и в карманах, и на потолке – словом везде, где ответа быть ну никак не может. И, чуть не плача – а что вы хотите? Кому охота оставаться на осень? – поворачивается к окну. Может здесь найдет?

Рот его непроизвольно открывается.

На проводах, натянутых между столбами, сидит кошка. Она, конечно, не сидит – попробуй, посиди на проводах – она качается, чтобы удержать равновесие и медленно передвигается к столбу, вкопанному ближе к школьному зданию.

Вадику теперь не до контрольной. Он смотрит только на кошку. И кошка, почуяв его взгляд через открытое окно, смотрит только на Вадика. И словно гипнотизирует мальчика. Эта игра в переглядки затягивается. Кошка осторожно переставляет лапы и вытягивает шею. Ноздри ее раздуваются как кузнечные мехи, хвост, поднятый вверх трубой, покачивается из стороны в сторону, помогая удержать равновесие. Кажется, невидимая нить привязана к ее носу и кто-то наматывает нить на клубок и тянет кошку в открытое окно.

– Смотрите, смотрите! Кошка на проводах сидит! – Это Витя, забыв, что идет урок, закричал на весь класс. – Канатоходец! Ха-ха! Курица облезлая!

Весь класс, опрокидывая стулья и толкаясь, в одно мгновение столпились возле подоконников. Десятки любопытных глаз устремились на чудную кошку. Даже Людмила Станиславовна удивлена и смотрит в окно.

– Кис-кис! – потянулись манящие руки. – Иди сюда, кошечка.

Один Вадик использует панику с пользой для себя. Он торопливо переписывает у Вити контрольную.

– Порядочек, – радуется он, – задачка и два примера! Тройка обеспечена. Теперь на осень не оставят и можно все лето ничего не делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.